

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 101.9

Кислов Александр Геннадьевич

доктор философских наук, профессор кафедры права Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург (Россия).

E-mail: akislov2005@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ КАК ИСКУССТВО УМИРАНИЯ И НАУКА ЖИЗНИ: ВСПОМИНАЯ С. З. ГОНЧАРОВА

Аннотация. Цель статьи – анализ творческого наследия видного екатеринбургского философа, доктора философских наук, профессора, многие годы заведующего кафедрой философии, культурологии и искусствоведения Российского государственного профессионально-педагогического университета Сергея Захарович Гончарова (даты жизни: 25.01.1946 – 12.02.2016).

Метод изложенного в публикации аналитического исследования – герменевтический.

Результаты и научная новизна. Представлен обзор основополагающих идей С. З. Гончарова и предпринята первая попытка оценить вклад ученого в современную отечественную философию.

Выделены некоторые наиболее значимые биографические и личностные факторы, сказавшиеся на творческом пути и эволюции мировоззрения С. З. Гончарова. Предложена квалификация его философской концепции как современной версии платонизма, вобравшей в себя две чрезвычайно важные для России традиционные линии развития философской мысли: во-первых, от Платона через Гегеля к Марксу и Э. Ильенкову, а во-вторых, от Платона через Гегеля к И. Ильину и православному святоотеческому наследию. Приводятся важнейшие для понимания позиции С. З. Гончарова положения из его научных публикаций. Подчеркивается нередуцируемость мировоззрения С. З. Гончарова к его артикулированной составляющей. Отмечается открытость, устремленность к общению с самобытными, ищущими собеседниками, бережное отношение к инаковости оппонентов, презумпция субъектности всякого человека как экзистенциальной доминанте в мироощущении С. З. Гончарова. Отмечается плодотворность актуализации работ С. З. Гончарова, получивших широкое признание уже не только в России и странах, входивших в СССР, но и в Китае, Японии и др.

Практическая значимость. Автор надеется на дальнейшее коллегиальное сотрудничество широкого круга исследователей для более глубокого осмысления философского творчества С. З. Гончарова, его современников и их предшественников – для установления корреляции личностей и эпох, что сам С. З. Гончаров называл «совместным деланием» и считал наиболее органичным человеку – истинно креативным – состоянием.

Ключевые слова: человек, субъектность, творчество, философствование, совершенство, культура, труд, капитал.

DOI: 10.17853/1994-5639-2016-9-80-89

Статья поступила в редакцию 28.03.2016

Принята в печать 11.08.2016

Alexander G. Kislov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Law, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg (Russia).

E-mail: akislov2005@yandex.ru

PHILOSOPHY AS AN ART OF DYING AND THE SCIENCE OF LIFE: REMEMBERING S. Z. GONCHAROV

Abstract. *The aim* of the publication is the analysis of creative heritage of the prominent Ekaterinburg philosopher, Doctor of Philosophy, professor, over many years head of the Department of Philosophy, Culturology and Art Criticism of the Russian State Vocational Pedagogical University – Sergey Zakharovich Goncharov (1/25/1946 – 2/12/2016).

Method of the analytical research stated in the publication is hermeneutical.

Results and scientific novelty. The review of the fundamental ideas of S. Z. Goncharov is presented; the first attempt to estimate the scientist's contribution to contemporary Russian philosophy is made.

The most significant biographic and personal factors which have affected a career and evolution of outlook of S. Z. Goncharov are highlighted. The qualification of Goncharov's philosophical concept as the modern version of Platonism which has incorporated two traditional lines (extremely important for Russia) of development of a philosophical thought is offered: firstly, from Plato through Hegel to Marx and E. Ilyenkov, and, secondly, from Plato through Hegel to I. Ilyin and orthodox patristic heritage. S. Z. Goncharov's positions of situation, major for understanding, from his scientific publications are given. The nonreducing of outlook of S. Z. Goncharov to his articulated component is emphasized. The openness, tendency to communication with the original, looking for interlocutors, careful attitude to otherness of opponents, a presumption of subjectivity of any person as to an existential dominant in S. Z. Goncharov's mental outlook are noted. Fruitfulness of works updating by S. Z. Goncharov is noted. The works by

S. Z. Goncharov have already received wide recognition not only in Russia and the countries entering the USSR, but also in China, Japan, etc.

Practical significance. The author hopes for further mutual cooperation of a wide range of researchers for deeper judgment of philosophical creativity of S. Z. Goncharov, his contemporaries and their predecessors – for establishment of correlation of persons and eras that S. Z. Goncharov called «joint making» and considered it as the most organic for a person – a truly creative state of being.

Keywords: human, subjectivity, creativity, philosophizing, excellence, culture, labour, capital.

DOI: 10.17853/1994-5639-2016-9-80-89

Received 28.03.2016

Accepted for printing 11.08.2016

Памяти коллеги

Платон в диалоге «Федон» от лица Сократа признает: «Высочайшее из искусств – это философия, а ею-то я и занимался... Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле одним – умиранием и смертью» [7, с. 10–11, 14]. С. З. Гончаров это не просто знал, он и был философом. И к тому же – платоником, хотя он сам мог с этим и не согласиться.

Ему по-настоящему были интересны *другие*. Темперамент ученого требовал аудитории, которая всегда благодарно его принимала в ответ на предоставление возможностей для диалога, в котором он обязательно оставлял пространство собеседникам для иных, не совпадающих с его представлениями, мыслей. Сергей Захарович весьма бережно относился к своеобразию и многообразию, с радостью подмечал их ростки в том, что читал у коллег, кого рецензировал, кому оппонировал. А для тех, кем руководил, старался создать благоприятные условия для интеллектуального и профессионального роста, позволяющего сохранять личную индивидуальность. Он был убежден: «Люди находятся в существенном субъект-субъектном отношении друг к другу и соотносятся сами с собой, со своей родовой культурно-исторической сущностью; поэтому они – “самоустремленные” существа» [3, с. 99]. Самоустремленность каждого С. З. Гончаров глубоко уважал, поддерживал и провоцировал, потому что больше всего именно ее и ценил в окружающих. Он был увлекающимся, но не навязчивым; не обременял, а лишь призывал, заражая и заряжая своей энергией, веселостью до озорства, органично соединенной с глубочайшей серьезностью отношения к тем категориям, над которыми всю жизнь размышлял и которые все не перечесть, но стоит назвать некоторые, может быть, самые важные для него: человек, его субъектность, творчество, общество, община, семья, Церковь, Бог, Родина, нравственность, красота, совершенство, культура, труд, капитал. Достаточно для любого крупного мыслителя...

Многое в мировоззрении С. З. Гончарова замешано на опыте жизни и труда в пору его молодости в условиях советского «почтового ящика» (закрытого административно-территориального образования – ЗАТО), где были сконцентрированы коллективный интеллект, серьезные государственные задачи, привилегированность в части организации производства, быта, снабжения. Потому одной из первых его исследовательских тем стало социалистическое соревнование, которое он до последнего дня ставил выше капиталистической конкуренции: соцсоревнование маркирует, но не подавляет, оно гуманно, не беспощадно: «Надо выпрыгнуть из клетки буржуазно-стоимостной ментальности: труд, а не капитал, призван стать властелином, ибо капитал есть накопленный труд, и сам по себе он не имеет иного субстрата; значит, труд должен управлять капиталом; накопление капитала есть средство для накопления культуры, креативной емкости человека; не нравственность надо согласовывать с экономикой, а экономику – с нравственностью» [3, с. 103].

Конечно, первой и прошедшей через всю жизнь его любовью был марксизм – не в официальном, высушенном идеологическом варианте, а живой, вплетенный в биографии основоположников, чьи научные и публицистические труды и письма он обильно цитировал на память. К. Маркс и Ф. Энгельс были для него веселыми и очень разными гениями, трогательная дружба которых служила ему примером человеческих отношений, и примеру этому он старался следовать в своей жизни, находя отклик среди многих товарищей своих...

Объемному, живому восприятию марксизма сильно способствовало увлечение С. З. Гончаровым публикациями Э. В. Ильенкова, а затем и личное знакомство с выдающимся отечественным мыслителем-марксистом XX века, его единомышленниками и учениками, связь с которыми оставалась активной до последнего дня – Сергей Захарович был организатором регулярных международных конференций «Ильенковские чтения», выступал на них, привлекал к ним своих земляков. Автор этой статьи первый раз услышал С. З. Гончарова именно как пропагандиста ильенковского варианта прочтения марксистского наследия. В те времена подобные интерпретации не сильно одобрялись – скорее, глухо и настороженно признавались как талантливые, но (потому?) небезопасные. А вот у аудитории, особенно у молодых студентов-философов, выступления и работы С. З. Гончарова получали горячий отклик, так как не только подкупали своей открытостью, но и отличались неординарностью и доказательностью. Сергей Захарович искренне и обоснованно восхищался Э. В. Ильенковым, рядом с именем которого он ставил имена Г. С. Батищева, В. С. Библера, К. Н. Любутина, Д. В. Пивоварова, Ф. Т. Михайлова и др. [3, с. 100].

Одно из важнейших понятий марксизма – труд. Ему как истоку, основе и цели человеческой субъектности в марксистском учении уделяется приоритетное внимание. Для С. З. Гончарова совершенно органично было оказаться и долгие годы, до последнего дня, работать в вузе, где готовят педагогов профессионального образования. Тема труда здесь не могла не быть наиважнейшей. И Гончаров нес ее буквально как знамя, убедительно показывая небанальность труда, его метафизическую, трансцендентную составляющие и его поэзию. «Труд, в его научном понимании, есть процесс, в котором человек своей деятельностью регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Труд есть целенаправленная деятельность по созданию материальных и духовных благ, вечное условие человеческой жизни, абсолютная необходимость для всех форм общества в истории. Труд, с одной стороны, созидает мир общественного богатства, а с другой – социализирует человека, развивает его продуктивно-творческие силы, социальные чувства, возвышает горизонт сознания до понимания сверхиндивидуальных потребностей и целей коллектива, государства, страны в целом. Труд, вместе с тем, производит и общественные отношения. Однако в современной России ценность добросовестного созидательного труда вытеснена из общественного сознания установками на прибыль любой ценой (максимум прибыли, минимум совести), на развлечение и праздность. Мотив значительной части молодежи – “поменьше труда, побольше денег и наслаждений здесь и теперь”. Жажда легких денег затмила энтузиазм наукоемкого, производительного труда» [1, с. 5]. Так естественно переплетались в его творчестве наука и практическая злоба дня. Он был одновременно и академичным человеком, и страстным трибуном, и активным воспитателем.

«В рамках общества в целом добросовестный созидательный труд есть самая надежная основа признания заслуг, взаимного понимания, уважения, преемственности поколений, социальной справедливости, добровольной солидарности и коллективности, взаимопомощи и самоотверженности в общем деле. Отношение к добросовестному созидательному труду – критерий нравственного здоровья народа и государства. Применительно к человеку добросовестный созидательный труд порождает новые способности и умения, субъектные качества, самостоятельность, предметное мышление, открывает возможности глубинного общения по поводу творения общеинтересной и полезной новизны, развивает самостоятельность, самоорганизацию и самоуправление личности, пробуждает у нее стремление выйти за рамки уже достигнутого к новым возможностям самореализации и новым созидательным смыслам. Созидание инициирует. В труде человек обретает надежных друзей и товарищей, а труд

служит мерилom как общественной значимости личности, так и самооценки личностью своего жизненного пути. В целом добросовестный созидательный культуроемкий труд по своей природе объективно направлен на сокращение рабочего времени для увеличения доли свободного времени как пространства развития целостной самодетельной личности. Такая тенденция труда будет поддержана тружениками и послужит, вне всякого сомнения, могучим мотивом в их профессиональной деятельности в поисках обновления ресурсов и технологий» [1, с. 6]. Метафизика труда не могла не сочетаться для С. З. Гончарова с социальной, в том числе политической активностью и ответственностью человека. Он являл собой пример равнодушного к прошлому, настоящему и будущему гражданина и патриота.

Необходимо назвать имя еще одного человека, сыгравшего в философской судьбе С. З. Гончарова колоссальную роль. Колоссален и сам этот мыслитель – Иван Александрович Ильин, чье наследие вернулось на Родину в начале 1990-х гг. Как и другие, Гончаров нашел в его текстах ответы на многие мучительные и важные вопросы, касающиеся Православия, Русской Церкви, Русской Культуры. Русский Путь, благодаря знакомству с трудами И. А. Ильина, приобрел для него вселенский смысл, объединивший, вобравший в себя и творческий марксизм, и мрачную и жестокую сталинскую версию его воплощения, и надежды на Россию Совершенную... Так высоко ценимый С. З. Гончаровым «субъектный принцип позволил И. А. Ильину избежать как растворения человека в божественном начале, так и утилитарной прагматичности протестантизма в раскрытии человеческого и божественного. Философ вознес этот принцип на ту достойную духовную высоту, с позиций которой можно и нужно успешно решать назревшие задачи российского общества» [3, с. 100].

Всеединство это стало возможным, поскольку и ильинковский вариант марксизма, и ильинский вариант православия очень круто замешаны на гегелевской, восходящей к Платону диалектике, а через нее – к античному, архаическому космизму, космоцентризму, выраженному Гегелем в категории тотальности, где целое важнее частей, коллективное – индивидуального, соборное – сольного, где абсолютны иерархия и субординация, а анархия и координация – это отклонения, извращения или второстепенные, относительные дополнения.

Для С. З. Гончарова и «многообразие культуры связано с неким *человеческим инвариантом* – с такими всеобщими измерениями, благодаря которым представители различных национальностей и этносов понимают не только друг друга, но и творения далеких времен... Предельной и верховной ценностной категорией со времен Античности является *совершен-*

ство, доступное нам, людям, как такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное. Любовь к совершенному, объективно лучшему содержанию, причем не только стремление, но и осуществление такого содержания есть дух. “Быть духом – значит определять себя любовью к объективно лучшему. Воля к Совершенству есть основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности”, – утверждал И. А. Ильин [5, с. 56]. Совершенство – вот тот инвариант, который присущ различным национальным культурам и составляет их общечеловеческое содержание. Культура в высшем своем выражении общечеловечна по содержанию и национальна по своей форме. Можно затрудняться в понимании национальных форм культуры тех или иных народов, но пульсацию в таких формах всеобщего человеческого содержания (устремлений к совершенству через борения и соблазны) невозможно не принимать сердцем, т. е. сосредоточием духовных чувств, которые возникают не от физического воздействия, а от переживаний значений (радости, уважения, презрения)» [2, с. 77–78].

Трудно согласиться с тем, что культуры разнятся только по форме. Глубинные ценностные, т. е. содержательные, различия – главная причина их формального многообразия. Но С. З. Гончарова вдохновляла мысль о Совершенстве, едином – надприродном – происхождении человека и человечества. «Совершенство и три его лика – истина, добро, красота – составляют “осевое” содержание ценностного сознания от Античности до наших дней. “Смысл подлинного человеческого бытия, – утверждал И. Я. Лойфман¹, – оформляется как Истина, Добро и Красота”. Только на этом пути философия “становится мудростью” [6, с. 41]. Совершенство преломляется разумом как истина (т. е. соответствие должному совершенству), волей – как добро, а созерцанием – как красота. Поэтому истина, добро и красота – “вечные лики культуры”, “высшие ценности”, исполняющие “эталонную функцию”. Каждый из этих “ликов” порождается соответствующими творческими силами. Разум, добрая воля, эстетическое созерцание творят науку, нравственность и искусство» [2, с. 79–80]. Даже не соглашаясь с некоторыми суждениями С. З. Гончарова, трудно устоять перед его заразительным пафосом, идущим от включенности ученого в тысячелетние традиции философствования.

Вызывает, например, возражения такая дефиниция: «Нравственность есть отношения между людьми по поводу... равноценности их достоинства» [2, с. 81] – и потому что категория достоинства человека намного моложе древних вариантов нравственности, и потому что в современном мире активно действуют варианты нравственности, где эта катего-

¹ Один из учителей С. З. Гончарова и автора данной публикации.

рия играет периферийную роль. Однако С. З. Гончаров оттого и был по исходным своим интуициям платоником, что допускал финальный синтез в Совершенстве, Сверхценности, которая мыслилась им как Бог, и он, как и очень многие, считал данное мировоззрение христианством.

Вместе с тем С. З. Гончаров бесспорно признавал, что «за философскими “онтологиями” всегда скрывается тот или иной образ жизни людей» [3, с. 96], а образ жизни переменчив. Переменчивы и теоретические построения философов. Так, «программную идею Гегеля – выразить истинное не только как субстанцию, но и как субъект – Маркс, как и его последователь В. И. Ленин, реализовали в теоретической и практической деятельности. Эта идея означает, что люди не преклоняются перед объективными обстоятельствами, которые они сами и создают, но превращают обстоятельства в органы своей собственной коллективной воли и направляют события согласно своим целям и ценностям. Люди это делают, но не всегда осознают. Программная идея Гегеля ясно выражена в знаменитом положении Ленина о том, что политика не может не первенствовать над экономикой. Иначе выражаясь, всадник не может не первенствовать над лошадью, хотя без лошади он никуда не ускачет. Когда ряд авторов усматривают в данном положении Ленина противоречие с теорией Маркса, то невольно вспоминается запись первого о том, что 99,9% большевиков не поняли последнего потому, что не усвоили диалектику Гегеля» [3, с. 96–97].

Не теоретические построения сами по себе были дороги С. З. Гончарову, хотя он находил и понимал в них и вкус, и толк. Главной оставалась практикоориентированная мечта, чтобы «материальное производство стало лишь средством культивирования целостных и самостоятельных индивидов на основе фундаментализации образования и расцвета культуры. Накопление капиталов превращается в средство накопления культуры и роста креативности лиц» [3, с. 93]. И еще: «Как опредмеченный труд произведен от труда живого, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в креативно-антропогенную сферу – в образование, культуру, социальную инфраструктуру. Экономическая сфера общества – не самоцель, а основание для развития социальной сферы, в рамках которой творится культурное воспроизводство поколений, т. е. социальная сфера есть “то, ради чего”, ибо самоцелью для людей выступают сами люди, взятые в их взаимных отношениях. Кризисное состояние современной экономики сигнализирует об одном – пора экономике обрести свою истинную цель, чтобы пе-

рестать быть "самоедской экономикой", потребляющей природные и человеческие ресурсы ради прироста капитала любой ценой.

Принцип субъектности обязывает изменить соотношения: производство средств жизни должно стать лишь средством для культурного производства целостного человека; не нравственность надо согласовывать с экономикой, а экономику и политику – с нравственностью. Необходимо трансформировать установку общественного производства в целом: накопление капиталов – средство накопления культуры; не увеличение рабочего времени для роста капитала, а уменьшение этого времени для увеличения пространства духовно-культурного возрастания каждой личности» [3, с. 101–102].

Такая философия – далеко не только отражение «искусства умирания», она – наука жизни. И как все в жизни, философия дискуссионна, многообразна, а интерес ее сосредоточен, как вполне определенно подметил И. Кант, в вопросе «Что есть человек?». А вот ответ на него С. З. Гончарова: «По составу своего организма человек, конечно, образован на все 100 процентов из природного материала, из остывшей звездной пыли. Но сущность его на 100 процентов сверхприродна. Замечательный советский философ Эвальд Васильевич Ильенков, автор классической теории идеального, ... писал: «Что же касается понятия "человек" в подлинном смысле слова, то его "определенность" заключается в отсутствии всякой заранее и навсегда закодированной в нем определенности. В универсальности. Разумеется, будучи в принципе, в "сущности" универсальным, реально-эмпирически любой человек – не универсальное, а определенное (т. е. "ограниченное") существо. Человек есть там, где есть такая индивидуализированная универсальность, "оединиченная всеобщность". Или "всеобщая индивидуальность", личность, что одно и то же [4, с. 290]» [3, с. 106]. И «задача, следовательно, состоит в приведении в соответствие жизнеустройства людей с универсальными возможностями каждого из них. Целостное развитие индивидуальности – таков ясный и понятный критерий эффективности и для экономики, и для всей системы образования, от детского сада и школы до вуза. «Общество стало уже достаточно богатым, чтобы позволить себе развивать свою культуру не за счет превращения индивида в профессионально-ограниченного, "частичного" человека, а за счет максимально полного развертывания всех возможностей, заложенных в нем природой» [4, с. 291]. Реализация универсальной сущности человека связана с автоматизированной техносферой и с формами отношений, просторных для самостоятельности людей. Это – объективная предпосылка. Субъективной же предпосылкой являются субъектные качества людей, духовно-нравственный уровень их самосознания» [3, с. 106].

Нужно изучать наследие С. З. Гончарова, чтобы приобщиться к его мудрости, культуре, чтобы соглашаться и спорить, благодаря его за прожитую жизнь, за несмирение со смертью, которая побеждает единичное, но пасует перед универсальным, убедительную причастность к которому продемонстрировал всем нам Сергей Захарович Гончаров.

*Статья рекомендована к публикации
д-ром пед. наук, проф. В. А. Федоровым*

Литература

1. Гончаров С. З. и др. Труд и образование на пути к креативному обществу: коллективная монография / под ред. С. З. Гончарова. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2014. 445 с.
2. Гончаров С. З. Культура – креативная основа образования // Образование и наука. 2014. № 2 (111). С. 73–84.
3. Гончаров С. З. Россия нуждается в субъектной философии // Образование и наука. 2012. № 6 (95). С. 93–106.
4. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. Москва: Политиздат, 1968. 312 с.
5. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. Москва: Русская книга, 1993. Т. 1. 496 с.
6. Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии: избранные работы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. 100 с.
7. Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. Москва: Мысль, 1993. 528 с.

References

1. Goncharov S. Z. Trud i obrazovaniye na puty k kreativnomu obszhestvu. [Work and education towards a creative society]. Yekaterinburg, 2014. 445 p. (In Russian)
2. Goncharov S. Z. Culture – creative basis education. *Obrazovaniye i nauka*. [Education and Science]. 2014. № 2 (111). P. 73–84. (In Russian)
3. Goncharov S. Z. Russia needs a subjective philosophy. *Obrazovaniye i nauka*. [Education and Science]. 2012. № 6 (95). P. 93–106. (In Russian)
4. Iljenkov E. V. Ob idolah i idealah. [On the idols and ideals]. Moscow: Publishing House Politizdat, 1968. 312 p. (In Russian)
5. Iljin I. A. Axiomy religioznogo opyta. [Axioms of religious experience]. Moscow: Publishing House Russkaja kniga. [Russian Book]. 1993. V. 1. 496 p. (In Russian)
6. Loyfman I. Y. Mirovozzrencheskije shtudiy: izbrannyje raboty. [Ideological sketches: Selected works]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii. [Bank of Cultural Information]. 2002. 110 p. (In Russian)
7. Platon. Sobr. soch. v 4-h t. T. 2. [Plato. Collected works: in 4 volumes. V. 2]. Moscow: Publishing House Mysl'. [Thought]. 1993. 528 p. (In Russian)